

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-130-136
УДК 821.161.1

ОППОЗИЦИЯ «Л. Н. ТОЛСТОЙ – К. Н. ЛЕОНТЬЕВ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ А. К. ЗАКРЖЕВСКОГО

© Вячеслав Крылов, Андрей Баландин

THE OPPOSITION “LEO TOLSTOY – KONSTANTIN LEONTIEV” IN THE INTERPRETATION OF A. ZAKRZHEVSKY’S LITERARY CRITICISM

Viacheslav Krylov, Andrey Balandin

This article presents an attempt to answer two interrelated questions: 1) Is it possible to speak of Zakrzewski’s deliberate ignorance of the figure of Leo Tolstoy when analyzing the literary process? 2) Is there a way to explicate the critic’s views on the author, whose work, although having been read, was not included in the circle of his research interests? With the help of the historical-functional, hermeneutic methods and the method of comparative analysis, the article offers a variant of an answer to these questions. Based on Zakrzhevsky’s critical articles, a comparative analysis of such features as “antithetical” and “synthetic” thought, which are characteristic of religious and philosophical criticism, makes it possible to identify the cases, used by the critic to compare the writers and to oppose them. The historical-functional method enables us to single out the facts from the biographies of Leontiev and Tolstoy, which allow us to assert either the similarity or the opposition of the writers. The hermeneutic method aims to explicate Zakrzhevsky’s views on Tolstoy through the analysis of Zakrzhevsky’s statements about Leontiev.

Keywords: A. Zakrzhevsky, Leo Tolstoy, Konstantin Leontiev, antithetical nature of thought, synthetic nature of thought.

В данной статье представлена попытка ответа на два взаимосвязанных вопроса: 1) возможно ли говорить о сознательном игнорировании А. К. Закржевским фигуры Льва Толстого при анализе литературного процесса? 2) существует ли способ эксплицировать взгляды критика на автора, чье творчество, будучи прочитанным, не входило в круг его исследовательских интересов? Посредством историко-функционального, герменевтического методов и метода компаративного анализа в статье предлагается вариант ответа на данные вопросы. Сравнительный анализ таких свойственных религиозно-философской критике черт, как «антитетичность» и «синтетичность» мысли, на материале критических статей Закржевского позволяет выявить, в каких случаях критик использовал прием сопоставления писателей, а в каких – противопоставление. Историко-функциональный метод позволяет выделить те факты из биографии Леонтьева и Толстого, на основании которых можно говорить о схожести или противоположности писателей. Герменевтический метод направлен на экспликацию взглядов Закржевского на Толстого через анализ высказываний Закржевского о Леонтьеве.

Ключевые слова: А. К. Закржевский, Л. Н. Толстой, К. Н. Леонтьев, антитетичность мысли, синтетичность мысли.

Критика конца XIX – начала XX века существенным образом изменила представление о ее собственной роли в литературном процессе. Объединявшая писателей серебряного века склонность к рефлексии и поиску причин упадка литературы выразилась в тенденции к поиску

нового типа критики¹ [Крылов, с. 17]. Основная интенция «новой» критики тяготела к субъективно-художественному восприятию текста, а главным условием постижения «тайны» художественного произведения называлось, согласно

¹ См. подр. о критико-методологических спорах на рубеже XIX–XX веков: [Крылов].

Д. С. Мережковскому и В. В. Розанову, наличие «влюбленности» критика в творчество писателя [Коптелова, с. 17].

Метафора любви являлась весьма важной при постановке целей критического исследования. Так, Мережковский главной целью критики считал изображение «живой души писателя» [Мережковский, с. 5] (именно такое представление о целях настоящей критики повторит и А. К. Закржевский в книге «Карамазовщина») [Закржевский. Карамазовщина, с. 4]. Однако влюбленность в объект исследования прежде всего проявляется в выборе объекта. Разумеется, критики рубежа XIX–XX веков не могли обходиться вниманием наиболее выдающиеся в литературном мире фигуры. Например, отыскать в литературных кругах того периода человека, не отождествляемого в той или иной форме на идеи Ф. Ницше, было непросто (даже Л. Н. Толстой, будто бы нарочно избегавший упоминания немецкого философа, все же называет его имя на страницах романа «Воскресение» [Толстой, с. 78]).

Однако такой формальный показатель, как количество упоминаний критиком на страницах его произведений того или иного писателя, может характеризовать и самого критика. В русской литературе, согласно главному идеологу «субъективной» критики Д. С. Мережковскому, существуют два полюса, игнорировать которые невозможно, равно как невозможно и сохранять нейтралитет, не отдав предпочтения одному из «вечных спутников»: Л. Толстому и Ф. Достоевскому. Но и отдав предпочтение одному автору, критик все же вынужден постоянно возвращаться к творчеству второго, сравнивая и сопоставляя их художественный мир.

Д. С. Святополк-Мирский считал подобный метод особенностью критики Мережковского, которого он упрекал в «антитетичности мышления» [Святополк-Мирский, с. 159]. Учитывая, что В. Розанов [Розанов, с. 325], Л. Шестов [Шестов, с. 112] и Н. Бердяев [Бердяев, с. 170] тем или иным способом противопоставляли двух русских классиков², можно говорить о данной «антитетичности мышления» как об атрибутивном признаке религиозно-философской критики.

А. К. Закржевский, являясь автором трех масштабных работ о творчестве Ф. М. Достоев-

ского, практически не упоминает Льва Толстого. Ссылка на работу Д. С. Мережковского [Закржевский, 1913, с. 109], где Достоевский с Толстым противопоставляются как «вечные спутники», дает нам основание для дальнейшего прояснения метода Закржевского и реконструкции его взглядов на Толстого. В связи с этим возникают два вопроса:

1) Почему Закржевский обходится без Толстого?

2) Можем ли мы присущую религиозно-философской критике «антитетичность мышления» отрицать в критическом наследии Закржевского?

Обратимся прежде всего к заглавию работ Закржевского, поскольку заглавие как «сильная позиция» и один из важнейших компонентов любого текста является «стянутой до объема двух-трех слов книгой» [Кржижановский, с. 3]. Трилогия Закржевского о творчестве Достоевского имеет подзаголовок «психологические параллели», что указывает на желание критика сопоставить ряд писателей друг с другом: в первом томе критик Достоевского сопоставляет с Л. Андреевым, Ф. Сологубом, Л. Шестовым, А. Ремизовым и О. Пантюховым; во втором – с З. Гиппиус, В. Розановым, Д. Мережковским, А. Белым, Н. Минским, Вяч. Ивановым, С. Булгаковым, А. Блоком, Н. Бердяевым, Н. Добролюбовым, в третьем – с В. Брюсовым, В. Розановым и М. Арцыбашевым.

Исходя из специфики заглавий работ, Закржевскому присуща не «антитетичность», а скорее «синтетичность мышления», так как он предпочитает рассматривать изолированные явления во взаимосвязи. На примере первого тома трилогии о творчестве Достоевского может быть продемонстрирован метод Закржевского, который будет последовательно применяться и в оставшихся двух томах.

Синтетический метод

Л. Андреев

Согласно Закржевскому, все творчество Л. Андреева «об одном и том же» [Закржевский, 1911, с. 4]. Один вопрос, заданный подпольным человеком Достоевского, никак не мог разрешиться в сознании Андреева, что заставляло его писать и творить. Вопрос этот связан со стеной, о которую разбивается человеческая воля. Стена, за которой не может простираться воля, приводит к отчаянию, и это отчаяние подпольного человека, по мнению Закржевского, описывает Андреев. Произведения Андреева «Мои записки», «Иуда Искариот» и «Тьма», таким образом, рассматриваются Закржевским как элементы одной системы.

² История зарождения и бытования в русской критике оппозиции «Толстой – Достоевский» нуждается в отдельном исследовании. Например, следует уточнить, действительно ли эта оппозиция впервые появляется в ранней статье Мережковского «Достоевский» (1890), затем вошедшей в его книгу «Вечные спутники».

В повести «Иуда Искариот» Андреев отрицает религиозные догмы, в «Моих записках» – моральные нормы, во «Тьме» – человеческие ценности. Иуду, согласно Закржевскому [Там же, с. 17], Андреев представляет «беспочвенником», который предаёт Христа от отчаянья [Там же]; заключённый «Записок» – андреевский вариант продолжения «Преступления и наказания», поскольку тюрьма начинается, а не заканчивает историю «крови по совести»: от экзистенциального отчаяния в подполье убийца, убедив всех в невиновности, выстраивает вокруг себя собственную тюрьму. Наконец, в «Тьме» Андреев, как говорит Закржевский, «сам не понял, что такое создала его мысль, <...> – исход и таинство спасения» [Там же, с. 18], о которых «целый час» говорил Иван Карамазов [Там же, с. 19], выразились у Андреева в одной фразе: человек «не смеет быть хорошим <...> если весь мир погружен в грязь» [Там же, с. 18].

Таким образом, все творчество Андреева выражает, согласно Закржевскому, сознание подпольного человека, отчаявшегося от бессилия воли.

Ф. Сологуб

При анализе творчества Сологуба особая, свойственная Закржевскому «синтетичность мысли» проявляется в самом начале рассуждения: «Этот роман <«Навыи чары»>, – пишет Закржевский, – является как бы синтезом всего творчества Сологуба» [Там же, с. 32]. «Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил», – говорит Иван Карамазов в диалоге с Алешей; «Бездонна душа Триродова и мучительна ее жажда», – пишет Закржевский о главном герое романа «Навыи чары». Творчество Сологуба Закржевский также представляет в качестве целенаправленной разработки одной проблемы – чрезмерной «широты» человека, который «начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским» [Там же, с. 32].

В «Навыих чарах» представлен идеал сверхчеловека, тяготящегося жизнью ввиду невозможности обратиться к лекарствам от отчаяния, помогающим «маленьким людям»: религии, морали, любви, политике. В «Мелком бесе» рассмотрена другая сторона человека, который погряз в «черной грязи и гущи мещанства» [Там же, с. 44].

Творчество Сологуба также подтверждает один из тезисов Достоевского и раскрывает сущность «слишком широкого» человека.

А. Ремизов

Интерпретируя творчество Алексея Ремизова, Закржевский выдвигает довольно любопытный тезис о творчестве писателя: «он один <ро-

ман «Пруд»> и стоит того, чтобы говорить о Ремизове, он исключает все написанное им, ибо только в нем – положительное у этого писателя. Поэтому я буду говорить только о „Пруде“» [Там же, с. 73]. Подобное признание критика интересно в связи с тем, что творчество Ремизова не поддается синтезу, регулярно выстраиваемому Закржевским, поскольку оно не имеет единой интенции и единой тенденции.

Роман «Пруд» был выбран критиком не случайно: именно в нем «из серой паутины подполья высучивается эта жизнь, это с самого начала замученная и поруганная жизнь» [Там же, с. 73]. Роман начинается с того, что маленький Колька сидит, затаившись под диваном, и слушает. «Выкидыши... вытравляли... желтый билет... — доходят до него отдельные слова» [Ремизов, с. 210]. При этом, как дракон в «Навыих чарах» Сологуба, присутствует некое существо, злое и всеведущее, «один из бесов», который «знал, и зачем надо было самому деду Николаю на свет родиться, а от Николая Арсению и Вареньке, зачем Арсению свои дела делать, а Вареньке горькую пить, и зачем Коле под диваном сидеть и все замечать и ко всему прислушиваться» [Кржижановский, с. 12].

Очевидное сходство с творчеством других выбранных для «психологических параллелей» писателей в романе «Пруд» становится причиной обращения к нему Закржевского.

Антитетический метод

Выше нами были представлены аргументы, подтверждающие синтетичность метода А. Закржевского. Последующий анализ покажет, что и метод, основанный на противопоставлении, не был чужд критику. Однако антитетичность метода Закржевского представлена не столько в его психологических параллелях, сколько в статье памяти К. Н. Леонтьева «Одинокий мыслитель» (к 25-летию со дня смерти), где, на наш взгляд, имплицитно содержится отношение Закржевского к Толстому.

В трилогии, посвященной Достоевскому, имя Толстого критиком упоминается не более десяти раз. В «Подполье» – рассуждая, почему Шестов разочаровался в искренности Толстого [Закржевский, 1911, с. 42], в «Религии», говоря о страхе смерти: «Он <страх> звучит в каждой душе, <...> он даже Льва Толстого сделал христианином...» [Закржевский, 1913, с. 439]. Наконец, в «Карамазовщине», рассуждая о пути принятия каких-либо мистических учений для избавления от страха смерти, Закржевский пишет: «И Л. Толстой хотел было утешить себя подобными рассуждениями, да ничего не вышло, и отказался от всяких рассуждений, погиб!» [Закржевский.

Карамазовщина, с. 140]. Таким образом, ни взгляды Толстого, ни его произведения не становятся объектом анализа критика.

Тем ярче и необычнее выглядит обращение к личности Толстого в статье о Леонтьеве. В тексте статьи имя Толстого упоминается в различных контекстах более десяти раз (больше, чем во всех остальных произведениях Закржевского вместе взятых!). Попробуем высказать ряд предположений, объясняющих данное обстоятельство.

На первый взгляд, личности Толстого и Леонтьева во многом схожи. Мы говорим именно о личностных особенностях писателей, а не о их творчестве, поскольку последнее интересует Закржевского в гораздо меньшей степени, нежели психологический портрет. С точки зрения психологии же, и Леонтьев, и Толстой подвержены тому, что западные исследователи называют конверсией [Herlth, Zehnder, с. 12]. Это тенденция к внезапным и радикальным трансформациям во взглядах названа «взрывом» в поздних работах Юрия Лотмана, который подчеркивает традиционную невозможность внутри русской культуры и общества принять новую информацию, измениться, найти баланс между статикой и динамикой [Там же, с. 16]. Для Толстого и Леонтьева такие «взрывы» [Лотман, с. 11] связаны прежде всего с религиозными трансформациями: на определенном этапе жизни каждый из них жил, как древний язычник, посвящая свою жизнь плотским удовольствиям, на следующем этапе – оба отправлялись к Амвросию Оптинскому, ища правды и пытаясь согласовать жизнь с христианскими правилами³.

В области эстетики между Леонтьевым и Толстым также больше сходств, нежели различий: писатели давали высокую оценку художественным произведениям друг друга.⁴ Так, Толстой хвалил восточные повести Леонтьева (особенно «Дитя души» и «Египетский голубь») [Александров, с. 7], а последний высоко оценивал романы «Анна Каренина» и «Война и мир», утверждая, что за последние тридцать лет лучшего романиста, чем Толстой, не было во всем мире [Леонтьев, с. 240]. Критический этюд Леонтьева «О романах гр. Л. Н. Толстого» (1890) до сих пор остается одним из лучших в русской критике образцов эстетического подхода к творчеству Толсто-

го. Даже источники вдохновения двух мыслителей были схожи: эстетические представления Толстого основываются на подражании природе [Алимова, с. 156], Леонтьев же всю жизнь черпал вдохновение в живописных пейзажах.

Все отличия между Толстым и Леонтьевым, на наш взгляд, могут быть отнесены к чему-то внешнему, случайному. Прежде всего это различия в наружности писателей и в их отношении к своей внешности. Леонтьев, женственно красивый, мог часами проводить время перед зеркалом [Волкогонова, с. 24], в то время как Толстой «всегда преувеличивал свою некрасивость», по словам его сестры Марии Николаевны [Толстая, с. 15]. Материальное положение писателей также было различным (однако следует отметить, что в финансовом благополучии мало кто из русских писателей мог бы соперничать с Толстым). Леонтьев постоянно жил в долгах, в то время как Толстой никогда не испытывал нужды. Возможно, с данным фактом связано и то, что Леонтьев не был способен «на такой целенаправленный и каждодневный труд» [Волкогонова, с. 56], к которому был привычен Л. Толстой: у Леонтьева просто не было возможности фокусироваться на одном предмете, одном романе из-за потребности зарабатывать на хлеб статьями в разные журналы. Разумеется, неспособность написать такое же масштабное произведение, как роман-эпопея Толстого, сказалось и на славе писателей: к моменту известности Льва Толстого о Леонтьеве знали совсем немногие.

Наконец, личная встреча Толстого и Леонтьева, во время которой должны были вскрыться все противоречия между ними, прошла очень гладко, за дружелюбной беседой, где Леонтьев, смеясь, обвинил Толстого в безбожии и пригрозил ему ссылкой в Тобольск; Толстой же, шутя, попросил Леонтьева с этой ссылкой не тянуть, поскольку ждет ее очень давно [Волкогонова, с. 63]. Да и помимо религии Леонтьеву и Толстому было что обсудить: оба воевали в Севастополе, оба заботились о воспитании молодого поколения.

Казалось бы, ни о каком противопоставлении психологических, душевных свойств писателей не может идти и речи. Все перечисленные нами внешние различия мало интересовали Закржевского, поскольку он считал целью критики – обнажить «живую душу писателя». Тем не менее некоторые различия в душевной жизни писателей критик все же обнаружил. По этим различиям, как нам кажется, можно не только эксплицировать отношение Закржевского к Толстому, но и понять причины столь немногочисленных упоминаний имени последнего.

³ Об изучении встречи Леонтьева и Толстого в Оптиной Пустыни, о религиозных разногласиях между ними см.: [Упоров, с. 272–275].

⁴ О возможностях, которые дает для понимания темы «Л. Толстой – читатель К. Н. Леонтьева» Яснополянская библиотека Толстого, см.: [Архангельская].

Закржевский о Леонтьеве и Толстом

Леонтьеву Закржевский посвятил две статьи. Первая, вышедшая в киевском журнале «Огни» в 1912 году, демонстрирует привычный критику прием «психологических параллелей», с помощью которого автор обнаруживает сходства в жизни и судьбе Леонтьева и Ницше, где нет ни слова о Толстом, равно как нет и каких бы то ни было противопоставлений, так свойственных критике серебряного века.

Сначала Закржевский рассуждает о восприятии мыслителя публикой: «при жизни над ним [Ницше] смеялись, гнали отовсюду, гнали и предавали злым издевательством его же товарищи, его же друзья, а теперь имя Ницше треплет всякий буржуй» [Закржевский. Литературные впечатления, с. 12]. Это гонение Ницше (которое читателю, знакомому с биографией немецкого философа, как минимум покажется преувеличением) Закржевский сравнивает с гонением Леонтьева, непонятого, а потому преданного забвению толпой. Затем Закржевский оспаривает мысль В. Розанова, что Леонтьев принципиально выразился против главного, принесенного Христом начала – кротости. В этом, по Розанову, «нищестанство» Леонтьева превосходит «нищестанство» Ницше. Согласно Закржевскому, не дерзость является главным фактором, объединяющим Ницше и Леонтьева, а страдание, пережитое обоими философами. Именно поэтому Закржевский утверждает, что неважно, к чему пришел мыслитель: к Христу или к отрицанию Христа, важно то, что определило его путь, а путь Леонтьева и Ницше определило страдание: «Вот и он <Леонтьев> не выдержал страшной свободы своей, он отрекся от мира и пришел ко Христу, и мир весь истаял во Христе...» [Там же, с. 13].

Закржевский, таким образом, не копирует формулу «русский Ницше», ставшую с легкой руки Розанова визитной карточкой русского писателя. Напротив, основание, которое он выбирает для сближения русского и немецкого философа, связано с душевными переживаниями, вызванными одиночеством, отчаянием и страданием.

Вторая статья – уже упомянутое нами критическое выступление «Одинокий мыслитель», вышедшее отдельной брошюрой в издании журнала «Христианская мысль» в 1916 году, согласно выдвинутому нами тезису, не является статьей только о Леонтьеве (по крайней мере, в том смысле, в каком статьей о Леонтьеве является первая статья в «Огнях»). На наш взгляд, «Одинокий мыслитель» – это первое высказывание Закржевского о Л. Толстом, антиподом которого критику представлялся Константин Леонтьев.

Во-первых, имя Толстого в этой небольшой по объему критической статье упоминается чаще, чем в трехтомной работе о Достоевском. Во-вторых, ничего принципиально нового по сравнению с первой статьей о Леонтьеве критик не высказал. Предполагаем, что высказывание Закржевского имело целью выразить отношение к Толстому и попытку представить его (Толстого) психологический портрет, тем более что изображать портрет Леонтьева в задачи Закржевского не входило: «Разгадать настоящего Леонтьева – не моя задача. Если разгадают его, если снимут маску – в ужасе отшатнутся» [Закржевский, 1916, с. 5].

Статья начинается с того, что существуют писатели, не понятые толпой, их боятся, их мысли презрительно отвергаются публикой, им суждена судьба непризнанных отшельников, а есть писатели, которые пользуются всеобщим успехом, становятся любимцами публики, их читают и пытаются понять. К числу первых Закржевский относит Леонтьева, к числу вторых – Толстого⁵. Рассуждая о причинах непопулярности взглядов Леонтьева, Закржевский вновь вспоминает о Толстом. Враждебное отношение публики к Леонтьеву, по Закржевскому, связано с его отказом от этического мерила в построении жизни, с проходящим красной нитью через все его творчество эстетическим аморализмом: «Русская интеллигенция религиозна постольку, поскольку она этична. Толстой – символ русской религиозности» [Там же, с. 11]. Леонтьев же не дает, «как Толстой и ему подобные, обещаний Богу исправиться, помогать ближним и творить добро... Нет, он говорит: „Матерь Божия! Рано! Рано умирать мне!..“» [Там же], – так противопоставляет двух писателей Закржевский.

Согласно Закржевскому, все религиозные перевероты русских людей попадают (как это было с Толстым) в «капкан морали». И православие любого мыслителя либо (как у Толстого) просто морализаторство, вызванное страхом смерти («религия появилась как следствие страха смерти» [Там же], либо (как у Леонтьева) – маска, которую окружающие не в силах разгадать [Закржевский, 1916, с. 20].

Таким образом, Толстой, любимец публики, обращается к религии, как и все, из-за страха перед смертью. Однако пройти путь страдания и страха до конца, то есть до полного и беспросветного отчаяния, Толстой не может, а потому

⁵ Следует заметить, что еще Тургенев в 1853 году ставил имена молодого Толстого и Леонтьева рядом в числе наиболее талантливых современных писателей (см.: [Уповор, с. 270–271]).

попадает в «капкан морали» и остается провозвестником популярной морали, которая остается и после него и, следовательно, способствует бессмертию его идей.

Иное у Леонтьева: он не может быть уверен в том, что его идеи не погибнут вместе с ним, а потому вынужден проходить путь отчаяния до конца. Его обращение к христианству – это обращение с просьбой личного бессмертия: «уже при первых проблесках религиозного сознания Леонтьев устремляется в область мистики, личного спасения и церкви» [Закржевский, 1916, с. 12]. Но в глубине души Леонтьев понимает, что христианство не может выполнить его просьбу (интересно, что, по Леонтьеву, все писатели понимают, что Бога нет, однако вынуждены сохранять «масочное действие» ради других), потому Леонтьев до конца жизни решает носить маску. «Масочное действие современности, в котором изнемогают многие из нас – было ведомо Леонтьеву по личному опыту. И в этом церковный фанатик м. б. всех обманывал, и не только всех, но и самого себя...» [Там же, с. 19] – пишет Закржевский.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что Закржевский «вчитывает» многие собственные религиозные и экзистенциальные размышления в тексты Леонтьева. Толстой же в изложении критика подвергается упрощению и противопоставляется Леонтьеву на различных уровнях. Очевидно, что отсутствие упоминаний Толстого в работах Закржевского неслучайно и связано с отрицательным отношением критика к писателю.

Список литературы

- Александров А. А. Предисловие к книге К. Леонтьева «О романах гр. Л. Н. Толстого». СПб.: Сириус, 1911. 152 с.
- Алимова Л. В. Дневники Л. Н. Толстого 1873–1910 годов: эстетика и поэтика природы // Культура и текст. 1999. № 5. С. 154–159.
- Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. 557 с.
- Архангельская Т. Н. Сочинения К. Н. Леонтьева в яснополянской библиотеке Толстого // Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып 3. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 260–268.
- Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. М.: Захаров, 2001. 173 с.
- Волгогонова О. Д. Константин Леонтьев. М.: Молодая гвардия, 2013. 464 с.
- Закржевский А. К. Литературные впечатления // Огни. 1912. № 30. С. 12–14.
- Закржевский А. К. Карамазовщина. Киев.: Искусство, 1912. 386 с.

Закржевский А. К. Одинокий мыслитель. (Константин Леонтьев). Киев: Христианская мысль, 1916. 35 с.

Закржевский А. К. Подполье. Киев.: Искусство, 1911. 108 с.

Закржевский А. К. Религия. Психологические параллели. Киев: Искусство, 1913. 473 с.

Коптелова Н. Г. Специфика рецепции русской литературы XIX века в критике Д. С. Мережковского (1880–1917 гг.). автореф. ... докт. филол. наук: Кострома, 2011. 46 с.

Кржижановский С. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 32 с.

Крылов В. Н. Критика и критики в зеркале Серебряного века. М.: Флинта: Наука, 2014. 344 с.

Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 9. СПб.: Владимир Даль, 2014. 974 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992. 273 с.

Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. 624 с.

Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 4. Плачужная канава. М.: Русская книга, 2001. 560 с.

Розанов В. В. Опавшие листья. Берлин, 1930. 439 с.

Святополк-Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2005. 964 с.

Толстая А. Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М.: Книга, 1989. 503 с.

Толстой Л. Н. Воскресение. Повести. Рассказы М.: Художественная литература, 1976 г. 744 с.

Упоров А. А. Проблема «Л. Н. Толстой и К. Н. Леонтьев»: история и перспективы изучения // Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып 3. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 269–277.

Шестов Л. И. Философия трагедии. М.: Фолио, 2001. 480 с.

Jens Herlth, Christian Zehnder. Models of personal conversion in Russian cultural history of the 19th and 20th centuries. Bern: Peter lang, 2015. 293 p.

References

- Aleksandrov, A. A. (1911). *Predislovie k knige K. Leont'eva "O romanakh gr. L. N. Tolstogo"* [A Foreword to the Book by K. Leontiev "On the Novels of Count Leo Tolstoy"]. 152 p. St. Petersburg, Sirius. (In Russian)
- Alimova, L. V. (1999). *Dnevniki L. N. Tolstogo 1873-1910 godov: estetika i poetika prirody* [Leo Tolstoy's Diaries of 1873–1910: Aesthetics and Poetics of Nature]. *Kultura i tekst. No. 5*, pp. 154–159. (In Russian)
- Andreev, L. N. (1990). *Sobr. soch.: V 6 t. T. 2* [Collection of Works: In 6 Volumes, Vol. 2]. 557 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Arkhangel'skaia, T. N. (2009). *Sochineniia K. N. Leont'eva v iasnopolianskoi biblioteke Tolstogo* [Works by K. N. Leontiev in the Yasnaya Polyana Library of Tolstoy]. Pp. 260–268. *Tolstoi i o Tolstom. Materialy i issledovaniia. Vyp 3*. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

- Berdiaev, N. A. (2001). *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. 173 p. Moscow, Zakharov. (In Russian)
- Jens Herlth, Christian Zehnder. (2015). *Models of Personal Conversion in Russian Cultural History of the 19th and 20th Centuries*. 293 p. Bern, Peter lang. (In English)
- Koptelova, N. G. (2011). *Spetsifika retseptsii russkoi literatury XIX veka v kritike D. S. Merezhkovskogo: 1880-1917 gg.: avtoreferat. ... dokt. filol. nauk* [The Specificity of the Reception of the 19th-Century Russian Literature in the Criticism of D. S. Merezhkovsky: 1880–1917: Doctoral Thesis Abstract]. Kostroma. 46 p. (In Russian)
- Krylov, V. N. (2014). *Kritika i kritiki v zerkale Serebrianaogo veka* [Criticism and Literary Critics in the Mirror of the Silver Age]. 344 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
- Krzhizhanovskii, S. (1931). *Poetika zaglavii* [Poetics of Titles]. 32 p. Moscow, Nikitinskie subbotniki. (In Russian)
- Leont'ev, K. N. (2014). *Poln. sobr. soch. i pisem: v 12 t* [Full Collection of Works and Letters: In 12 Volumes. Vol. 9]. T. 9, 974 p. St. Petersburg, Vladimir Dal'. (In Russian)
- Lotman, Iu. M. (1992). *Semiosfera. Kul'tura i vzryv* [Semiosphere. Culture and Explosion]. 273 p. Moscow, Progress. (In Russian)
- Merezhkovskii, D. S. (1995). *L. Tolstoi i Dostoevskii. Vechnye sputnik* [L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal Companions]. 624 p. Moscow, Respublika. (In Russian)
- Remizov, A. M. (2001). *Sobranie sochinenii. Plachuzhnaia kanava*. [Collected Works. T. 4. The Weeping Ditch]. T. 4, 560 p. Moscow, Russkaia kniga. (In Russian)
- Rozanov, V. V. (1930). *Opavshie list'ia* [Fallen Leaves]. 439 p. Berlin. (In Russian)
- Shestov, L. I. (2001). *Filosofiiia tragedii* [The Philosophy of Tragedy]. 480 p. Moscow, Folio. (In Russian)
- Sviatopolk-Mirskii, D. S. (2005). *Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god* [The History of Russian Literature from Ancient Times to 1925]. 964 p. Novosibirsk, Svin'in i synov'ia. (In Russian)
- Tolstaia, A. L. (1989). *Otets. Zhizn' L'va Tolstogo* [Father. The Life of Leo Tolstoy]. 503 p. Moscow, Kniga. (In Russian)
- Tolstoi, L. N. (1976). *Voskresenie. Povesti. Rasskazy* [Resurrection. Stories. Novellas]. 744 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Uporov, A. A. (2009). *Problema "L. N. Tolstoi i K. N. Leont'ev": istoriia i perspektivy izucheniia* [The Problem "L. N. Tolstoy and K. N. Leontiev": The History and the Perspectives of Study]. Tolstoi i o Tolstom. Materialy i issledovaniia. Vyp 3, pp. 269–277. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)
- Volkogonova, O. D. (2013). *Konstantin Leont'ev* [Konstantin Leontiev]. 464 p. Moscow, Molodaia gvardiia. (In Russian)
- Zakrzhevskii, A. K. (1911). *Podpol'e* [The Underground]. 108 p. Kiev, Iskusstvo. (In Russian)
- Zakrzhevskii, A. K. (1912). *Karamazovshchina* [Karamazovshchina]. 386 p. Kiev, Iskusstvo. (In Russian)
- Zakrzhevskii, A. K. (1912). *Literaturnye vpechatleniia* [Literary Impressions]. Ogni. No. 30, pp. 12–14. (In Russian)
- Zakrzhevskii, A. K. (1913). *Religiia. Psikhologicheskie paralleli* [Religion. Psychological Parallels]. 473 p. Kiev, Iskusstvo. (In Russian)
- Zakrzhevskii, A. K. (1916). *Odinokii myslitel'. (Konstantin Leont'ev)* [A Lonely Thinker (Konstantin Leontiev)]. 35 p. Kiev, Khristianskaia mysl'. (In Russian)

The article was submitted on 15.05.2021
Поступила в редакцию 15.05.2021

Крылов Вячеслав Николаевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
krylov77@list.ru

Баландин Андрей Сергеевич,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
balandin.andreas@gmail.com

Krylov Viacheslav Nikolaevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
krylov77@list.ru

Balandin Andrey Sergeevich,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
balandin.andreas@gmail.com